

БЕЗОПАСНОСТЬ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

О. И. Жигалина

Этнический Курдистан как перекресток геополитических и экономических интересов

Некоторые взгляды на проблему курдского урегулирования

Нынешнее десятилетие, начавшееся в 2011 г., предвещает 100-летнюю годовщину подписания Севрского договора (1920 г.) между Османской Турцией и Великобританией, согласно которому курдам гарантировалось право национального самоопределения в форме автономии и, возможно, создание независимого государства. Хотя это решение было аннулировано Лозаннским договором (1923 г.), курды этнического Курдистана, разделенного государственными границами Турции, Ирака, Ирана и Сирии, не прекратили своей борьбы за национальное самоопределение. Однако эти усилия наталкивались на сопротивление руководства стран проживания курдов, сосредоточенных в разновеликих, различных по численности и, как правило, бедных ареалах. В XX в. правящие круги этих государств в своей национальной политике руководствовались заимствованным из анналов Великой Французской революции лозунгом «одна страна, один народ, один язык», адаптировав его к социокультурным реалиям Востока.

Свержение шахского режима в Иране в результате революции 1978–1979 гг. внесло определенные коррективы в «курдскую» политику шиитских фундаменталистов, модифицировавших унитаризм на основе ислама, а во внешней политике выдвинувших лозунг «экспорта исламской революции».

Унитаризм на основе турецкого, иранского или арабского национализма, развивавшийся под идеологической оболочкой ислама, как правило, отрицал любую форму автономии или суверенитета. Он встретил сопротивление курдского населения стран региона, выступившего с требованием самоопределения в форме автономии или государства.

По мере укрепления региональных связей и взаимодействия между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией их правящие круги вырабатывали общие позиции, выражавшиеся в стремлении противодействовать развитию и становлению курдского национализма. Этот процесс сопровождался нарастанием культурной дифференциации и дезинтеграции, связанной с феноменом курдского национального возрождения. Его следствием стали конфликты между руководством этих стран и курдским национальным движением, развивавшимся под лозунгами автономии или полной независимости. Эта борьба имела

свою специфику в курдских ареалах, получивших условное название Турецкий (Северный), Иракский (Южный), Восточный (Иранский) и Западный (Сирийский) Курдистан. Результатом борьбы иракских курдов явилось провозглашение в 1974 г. автономии Иракского Курдистана. При этом правящие круги стран проживания курдов прилагали усилия для силового подавления курдского национального движения и искоренения курдского национализма в своих ареалах и поддержки его (в своих интересах) в соседних курдских ареалах.

Позиция, занятая турецкими и иранскими националистами, в целом отвечала представлениям национально-культурного обустройства стран Европы и США. После Второй мировой войны на Западе была популярна концепция национально-гражданской интеграции, ставшая основой национально-культурной политики многих европейских государств. Но начиная с 70 гг. XX в., там началось победное шествие другой концепции — «мультикультурализма», отказавшейся от идеи гражданской интеграции и направленной на поощрение группового культурного разнообразия и простого соседства общин в рамках одного государства¹.

В это же время в Советском Союзе декларировалась концепция на основе федерализма, в рамках которой каждой социалистической нации предоставлялось право на самоопределение в форме республики или автономии вплоть до отделения.

В 90 гг. XX в. в регионе Западной Азии появился нерегиональный политический игрок — Соединенные Штаты, что способствовало дисбалансировке политической ситуации в Ираке. Во главу угла их интересов были поставлены бесперебойное обеспечение поставок нефти и разгром исламистских группировок, которые угрожали США. Во время иракско-кувейтской войны 1990–1991 гг. США воспользовались нерешенностью курдской проблемы в Ираке и оказывали давление на режим С. Хусейна. Военно-политическое превосходство позволило им поддержать национальные устремления иракских курдов и создать так называемую «зону безопасности», в которую вошла территория курдской автономии. Впоследствии этот регион должен был стать

¹ Паин Э. А. Закат вулгарного мультикультуризма как возрождение культуры модерна. — Россия в глобальной политике, март-апрель, 2011.

опорой для проведения Вашингтоном концепции Большого Ближнего Востока, целью которой в числе прочих стала и задача изменения сложившихся в регионе государственных границ и, возможно, создание новых независимых государств, в том числе и курдского, с угодными США режимами.

Заинтересованность администрации Дж. Буша-младшего в контроле над углеводородными источниками Западной Азии и путями транспортировки нефти и газа явилась одной из причин «продвижения демократии»; ее результатом стало свержение тоталитарного режима С. Хусейна в Ираке и создание федеративного государства. Согласно конституции 2005 г., Курдистанскому региону, в который вошли три провинции Эрбиль, Сулеймания и Дохук, был гарантирован автономный статус. Шиитская и суннитская общины, составлявшие население других иракских провинций, должны были сформировать свои административно-территориальные образования.

По мнению западных аналитиков, представители разного этнического происхождения, вероисповедания и расы в Ираке должны были научиться жить вместе друг с другом, не отказываясь от своего культурного своеобразия. Однако эти общины представляли собой конгломерат противоборствовавших между собой политических партий и течений. Лоббировавшийся иракскими курдами принцип федерализма, поддержанный США, не соответствовал традициям взаимоотношений разнообразных этнических и религиозных общин Ирака в единой стране, что приводило к многочисленным конфликтам и терактам. В то же время Курдистанский регион имел полунезависимый статус и не взаимодействовал с шиитской и суннитской частями так называемого федеративного Ирака. У «новых иракцев» отсутствовала единая гражданская, общая иракская идентичность. Что же касается иракских курдов, то свою идентичность они соотносили с идентичностью курдов сопредельных курдских ареалов Турции и Ирана. Их понимание федерализма основано на этногеографическом принципе, который поддерживают иранские и турецкие курды, также стремящиеся к самоопределению в рамках своих стран в форме национальной автономии. Они полагают, что федерация — это модель, при которой население само формирует органы власти в регионах и тем самым воспринимает их как свои, как легитимные. При этом происходит разделение полномочий между центральными и региональными органами, с максимальной передачей ответственности регионам, чтобы они сами занимались местными проблемами. При этом достаточно сильный центр обеспечивал бы внешнюю политику, оборону и разрабатывал общую стратегию экономического развития.

Таким образом, к началу XXI в. выявились различные взгляды на урегулирование курдского вопроса: это концепция унитаризма на основе нацио-

нализма доминирующей нации (региональные державы); концепция «мультикультурализма» (Запад) и этногеографического федерализма (курды).

Попытка Соединенных Штатов разыграть «курдскую карту» в начале нового тысячелетия, как представляется, завершилась провалом реализации концепции «мультикультурализма» в Ираке. Вместе с тем внутривластные и финансовые сложности США поддерживают решимость Б. Обамы вывести американские войска из Ирака до конца 2011 г. Стремясь как-то преодолеть ошибки предыдущей администрации, Б. Обама хочет сделать это с наименьшими потерями как для своей армии, так и для курдских автономистов, наживших за время своей полунезависимости немало врагов как внутри Курдистанского региона, так и в Ираке в целом. При этом Иракский Курдистан находится под пристальным наблюдением Турции и Ирана, имеющих свой интерес в этом регионе.

Курдский фактор в турецко-иранском региональном соперничестве

Намеченный на декабрь 2011 г. вывод американских войск из Ирака как бы символизирует ослабление экономического, политического и идеологического влияния США в Западной Азии. Принцип внешней политики Б. Обамы изменился: по мнению некоторых аналитиков, он заключается в отсутствии «принципиальных идеологических нормативов. Сущностью его подхода к международным вопросам является прагматизм»². С точки зрения других исследователей, Б. Обама — интеллигент, смелый политик, готовый идти на риск. Свою задачу во внешней политике он видит в восстановлении баланса между ролью США в международных делах и американскими ресурсами³.

В нынешних условиях американская администрация стремится минимизировать последствия провала в Ираке. Она признает, что у Запада нет сил и возможностей для управления миром и западные меры воздействия на него утрачивают свою эффективность. Эта ситуация, по их мнению, требует перехода от западных «либеральных» к местным «авторитарным» способам, т. е. «косвенному автономному управлению, чужими руками»⁴.

Хотя США так и не удалось полностью разрешить курдский вопрос, они пытаются как бы заморозить эту проблему, чтобы максимально безболезненно уйти из Ирака. Американская администрация рассчитывает, видимо, на то, что иракцы сами будут заботиться о своей национальной безопасности.

² Овчинский В., Фурсов А. Передышка для гегемона. — http://www.globalaffairs.ru/number/n_13204

³ Лекция В. А. Кременюка на Ученом совете Института востоковедения РАН 28.09.2011.

⁴ Овчинский В., Фурсов А. Передышка для гегемона. — http://www.globalaffairs.ru/number/n_13204

В Западной Азии главными политическими акторами становятся Иран и Турция, являющаяся членом НАТО. В США осознают, что эти государства по-разному рассматривают ситуацию в Западной Азии. В то же время позиция Белого дома по курдской проблеме способствует ирано-турецкому сотрудничеству в Иракском Курдистане, а, напротив, приводит к возобновлению регионального соперничества между Ираном и Турцией. Некоторые американские аналитики считают, что вывод американских войск развяжет Турции и Ирану руки для усиления своего влияния на политику Ирака. Руководство Курдистанского региона разделяет эту точку зрения. Министр иностранных дел Ирака Х. Зебари в 2010 г. сказал, что эти государства являются «самыми крупными игроками и соперниками в Ираке»⁵. Так, когда в 2010 г. Иран открывал свой торговый центр в курдском городе Сулеймании, заместитель министра торговли Ирана отметил, что Турция, которую Иран считает своим соперником в Ираке, уже имеет 12 таких центров⁶.

«Курдская» политика Турции базируется на идеологии неосманизма. Одним из идеологов этого направления является советник А. Гюля и Р.Т. Эрдогана профессор Ахмат Давутоглу, министр иностранных дел Турецкой Республики. Характеризуя принципы и особенности внешней политики Турции, он отмечает важность установления справедливого и устойчивого мирового порядка, который будет служить на благо всех стран. По его мнению, путь к этому лежит через формирование местных и региональных блоков. Он убежден, что Турция активно работает над тем, чтобы «внести свой вклад в безопасность, стабильность и процветание в ряде соседних стран и более отдаленных регионов». А. Давутоглу считает, что «нынешняя обстановка в Западной Азии отчасти напоминает тупиковую ситуацию на Корейском полуострове...». Он подчеркивает, что «турецкая внешняя политика опирается на уникальный исторический опыт и географию, который еще более усиливает в нас (турок. — О. Ж.) чувство ответственности». «Подобная историческая ответственность, — считает А. Давутоглу, мотивирует интерес Турции к близлежащим зонам, включая Кавказ, Каспийский и Черноморский бассейны, Балканы, Восточное Средиземноморье и Ближний Восток от Персидского залива до Северной Африки»⁷. В этот ареал, как мы видим, включается и этнический Курдистан. Активизация турецкой политики в этих регионах не может не затронуть и интересы России.

А. Давутоглу и его последователи включают в турецкое наследие и османское прошлое. По их мне-

нию, Турция находится в центре Евразии и исторически и географически связана с такими важными регионами, как Балканы, Ближний Восток и Кавказ. Неудивительно поэтому, что неосманисты являются сторонниками более активной внешней политики, особенно на территории, относящейся к османскому геополитическому пространству.

Внешнеполитическая доктрина А. Давутоглу требует внимания к граничащему с Турцией Курдистанскому региону Ирака, являющемуся этнополитическим центром этнического Курдистана. Напряженная ситуация в Турецком Курдистане в связи с активностью Рабочей партии Курдистана (РПК) усиливает внимание турецкого руководства к курдской проблеме, нацеленное как бы на смягчение отношений с курдской оппозицией, с одной стороны, а с другой — оно старается не допустить подъема курдского национализма в этническом Курдистане в связи с последними событиями в Сирии.

Знаковым событием явился факт посещения в апреле 2011 г. премьер-министром Р.Т. Эрдоганом Эрбиля, столицы Курдистанского региона, что произошло впервые. Обе стороны высказались за расширение двустороннего сотрудничества, особенно в экономической области. А.М. Симсек, министр финансов Турции, сам выходец из Батмана, произнес речь по-курдски, акцентируя на «вековом братстве» курдов и турок. Все это как будто бы связывалось с предстоящими в Турции парламентскими выборами. Некоторые наблюдатели рассматривали произнесение по-курдски речи высокопоставленного чиновника как предвыборный шаг накануне парламентских выборов (состоявшихся в июне 2011 г.) с целью большего привлечения внимания курдского электората. Турецкая делегация также высказала намерение расширить турецкие инвестиции в развитие Курдистанского региона Ирака. А курдское руководство в свою очередь, предложило увеличить квоты для привлечения рабочей силы из Турции.

Потепление отношений между Турцией и руководством Курдистанского региона отвечает их интересам. Турецкие власти рассчитывают на то, что иракские курды будут способствовать снижению напряженности в зоне турецко-иракской границы, а также вокруг проблемы Киркука, нерешенность которой является одной из серьезных угроз стабильности как Ирака, так и Турции. Не случайно официальные американские представители выступили с предложением немедленного созыва специальной конференции в Багдаде по вопросу спорных территорий и в особенности проблемы Киркука, с участием курдов и представителей всех общин Киркука, а также всех политических сил и партий Ирака⁸.

Что касается позиции Ирана, то он весьма озабочен этим обстоятельством. Расширяя инвестиционную политику и торговлю в Курдистанском регио-

⁵ Turkey and Iran Vie for Control of Iraq. — <http://www.peyamner.com/details.aspx?1=4&id=238922>

⁶ Там же.

⁷ Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия. — http://www.globalaffairs.ru/number/n_14562

⁸ UN Envoy calls for talks over Kirkuk elections. — <http://www.institutkurde.org/en/info/latest/un-envoy-calls-for-talks-over-kirkuk-elect...>

не, Турция пытается сдерживать иранское влияние в Ираке. Не случайно губернатор Эрбиля Ноузад Хади отметил, что Турция и Иран конкурируют в Курдистане⁹. Вместе с тем свои экономические отношения с Курдистанским регионом и визит Р. Т. Эрдогана Турция пыталась использовать для того, чтобы поправить свои отношения с шиитскими партиями Ирака, находящимися под влиянием Ирана. Интересно отметить, что на парламентских выборах в Ираке, состоявшихся в марте 2010 г., Турция поддерживала секулярный блок Иракийя и арабо-туркоманский союз, в то время как Иран благоволил шиитской коалиции с тем, чтобы воспрепятствовать усилению суннитов во властных структурах Ирака.

Турецко-иранское соперничество в Ираке находится под неусыпным наблюдением США. Их военное командование считает, что наибольшая угроза американским войскам исходит от шиитских группировок, поддерживаемых Ираном, который призывает Багдад не препятствовать выводу американских войск из Ирака. По мнению некоторых высокопоставленных американских представителей, Иран представляет весьма серьезную стратегическую угрозу, так как он занимает третье место по запасам газа в мире, а его торговый баланс с Ираком составляет 2 млрд. долл., включая поставки топлива и электричества. С помощью садристов (приверженцев шейха ал-Садра) Иран оказывает давление на иракское правительство, чтобы оно не требовало продления срока пребывания американских войск в Ираке.

Радикальный и антиамерикански настроенный шиитский шейх М. ал-Садр неоднократно призывал командование американских войск в Ираке как можно быстрее покинуть страну. Особенную настойчивость он высказывал в августе 2011 г., когда иракское правительство начало переговоры с США по вопросу привлечения американских военных к обучению иракских сил безопасности. Он подчеркнул, что западные ценности неприемлемы для иракцев, и если американцы пришли их освободить, то пусть избавят их от своих требований и оскорблений. Он отметил, что иракцы будут бороться и сражаться за то, чтобы выдворить оккупантов с иракской земли. Шейх полагал, что 47 тыс. американских войск, которые должны быть выведены из страны до конца 2011 г. согласно двустороннему соглашению 2008 г., могут остаться, если вопрос о привлечении американских военных к обучению иракских сил безопасности не будет решен. Как известно, М. ал-Садр руководит крупной военно-политической группировкой: его армия насчитывает около 60 тыс. бойцов, 40 его сторонников являются депутатами иракского парламента, а 7 министров входят в правительство Н. ал-Малики.

США и иракские военные представители не случайно договорились, что иракские силы безопаснос-

ти будут осуществлять свои функции внутри страны. При этом отмечается, что их недостаточно для охраны государственных границ, воздушного пространства и территориальных вод¹⁰.

Одним из факторов, способным перехватить у Ирана инициативу в Курдистанском регионе, является заинтересованность Турции в урегулировании спорных территорий, особенно проблемы Киркука. Турция стремится к усилению там своего влияния. Путем поддержки иракских туркоман она пытается предотвратить этническое доминирование курдов. Турки предлагают альтернативные ст. 140 иракской конституции, предусматривающей решение проблемы через проведение референдума, пути решения проблемы Киркука, позволяющие учесть мнение не только курдского большинства, но и других этнических общин. Особую озабоченность ходом процесса урегулирования киркукского вопроса Анкара стала выражать после парламентских и президентских выборов 2007 г. В условиях ограниченных возможностей прямого военного вмешательства в Ирак, недостатка политической силы Иракского Туркоманского Фронта (ИТФ) в борьбе против реализации ст. 140, отсутствия поддержки США в вопросе по Киркуку турецкое руководство было вынуждено прибегнуть к дипломатическому давлению на курдов с целью отложить реализацию ст. 140 сроком на 10 лет и установить международный контроль над Киркуком. Хотя проведение референдума и было отсрочено, США ничего не сделали в интересах Турции.

Напряженная ситуация, сложившаяся в Киркуке весной 2011 г. в связи с возобновлением дискуссии по его статусу, и конфликт между курдами и представителями центральных властей вызывали озабоченность турецкого руководства. Губернатор Киркука запретил демонстрацию арабов в городе и ввел комендантский час, в то время как Киркук окружили войска и подразделения курдских пешмерга. Проарабские партии подвергли критике это решение, аргументируя тем, что оно было вызвано требованием отдельных демонстрантов вывести пешмерга из провинции. Однако курдский министр по делам пешмерга заявил, что эта вынужденная мера была продиктована опасениями активизации арабских экстремистов против курдов в Киркуке, поскольку они отказались участвовать в демонстрациях, организованных арабами. Об этом, в частности, говорил Джафар Шейх Мустафа, министр по делам пешмерга Курдистанского региона Ирака: баасисты намеревались атаковать курдские кварталы и представительства курдских политических партий, поскольку охрана порядка находилась только в ведении полиции. Ввод подразделений пешмерга в окрестности Киркука он объяснил необходимостью защиты курдов от противоправных действий арабских экс-

⁹ Nurkey and Iran Vie for Control of Iraq. — <http://www.peyamner.com/details.aspx?1=4&id=238922>

¹⁰ Iraq's Sadr tells US troops to go home. — <http://www.Peyamner.com/details.aspx?1=4&id=243746>

трестов. С этим мнением согласился и командир курдского спецназа «Зеревани» генерал Азиз Ваизи, заявив, что пешмерга вошли в Киркук по требованию губернатора и уйдут только после его указа¹¹. В то же время Ризгар Али, курдский представитель провинциального совета, отметил, что пешмерга не окружили бы город без указания командующего американских вооруженных сил в Ираке.

Появление курдских пешмерга в окрестностях Киркука породила в арабах опасения в связи с претензиями курдов на присоединение этого нефтеносного района к Курдистанскому региону. Кроме того, подразделения пешмерга появились и в других спорных районах с преимущественно курдским населением, в частности в ряде местностей провинции Диала.

Нерешенность проблемы спорных территорий провоцирует социальную напряженность: из района Джалавля, например, после угроз со стороны арабской милиции 600 курдских семей выехали в Курдистанский регион. За последние три года около 400 курдов были убиты экстремистскими группировками. В связи с этим пешмерга постоянно находятся в Сулеймании, поскольку, по словам их командира Махмуда Самгави, под видом демонстрантов экстремисты пытаются нападать на курдов. Хотя в Джалавле сейчас ситуация спокойная, пешмерга продолжают дислоцироваться там.

На совместной пресс-конференции курдских и туркоманских депутатов местного (провинциального) парламента ситуация в Киркуке была признана как весьма сложная, высказывались также мнения о необходимости проведения провинциальных выборов.

Проблема Киркука и вопрос пребывания там курдских пешмерга поднимался во время визита делегации турецкого МИДа, выразившей М. Барзани, президенту Курдистана, свою озабоченность относительно положения туркоман этого региона. Она также высказала пожелание о выводе подразделений курдских пешмерга из этого района¹². Однако на это резко отреагировали в министерстве по делам пешмерга в Эрбиле, отметив, что пребывание курдских подразделений в Киркуке является внутренним делом Ирака и турецкие представители не должны допускать подобных высказываний.

Между тем настоятельные требования о выводе курдских вооруженных формирований из окрестностей Киркука исходили как со стороны американского командования, так и со стороны центрального правительства. Премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган во время своего визита в Иракский Курдистан также призвал курдов пойти на уступки. Так, губернатор Киркука и глава провинциального совета покинули свои посты. В результате выборов губерна-

тором Киркука стал курд, а главой провинциального совета — туркоман. Хотя этот курдско-туркоманский альянс не пришелся по вкусу представителям арабских партий, которые не только бойкотировали выборы, но и осудили эту «маргинализацию», он не вызвал возражений со стороны Турции.

Вместе с тем с целью нейтрализации возможных осложнений курдские пешмерга (не без давления американцев) покинули некоторые населенные пункты, переместившись на юго-восток от Киркука, а их место заняли американские войска. С согласия американского командования и Багдада курдские подразделения остались на севере и северо-востоке.

Эти перемещения совпали со временем пребывания премьер-министра Турции Т. Р. Эрдогана в Эрбиле, поскольку вопрос курдско-туркоманских отношений обсуждался им с М. Барзани. При этом С. Аркидж, руководитель Иракского Туркоманского фронта (поддерживаемого Турцией) заявил, что турецкая делегация была удовлетворена позитивным урегулированием курдско-туркоманских противоречий, поскольку одной из целей этого визита было предотвращение обострения отношений между курдами и туркоманами.

Проблема Киркука и отношений между курдами и туркоманами, патронируемыми Турцией, обсуждалась, в частности, Р. Т. Эрдоганом с иракским руководством во время его визита в Багдад.

Турция стремилась заручиться поддержкой Эрбиля в его борьбе против бойцов РПК, базирующихся в Кандильских горах в зоне турецко-иракской границы. Однако в первой половине 2011 г. наблюдалось некоторое изменение позиции турецкого руководства в отношении лидера РПК А. Оджалана, который соблюдал мораторий РПК на ведение вооруженных действий. Его посетила турецкая делегация, с которой он якобы заключил соглашение по вопросу решения курдского вопроса в Турции и создания для этой цели миротворческого совета¹³.

Контакты турецкого руководства с А. Оджаланом могли бы сказаться и на активности бойцов Партии свободной жизни Курдистана (Пиджак), действующей на иранской территории против исламского режима. Но функционеры РПК рассматривают действия турецкого руководства в отношении А. Оджалана как попытку еще большей его изоляции.

Главным стратегическим интересом ИРИ является сохранение фундаменталистского шиитского режима и наращивание своего авторитета в исламском мире, где она соперничает с суннитами, а стало быть, и уклонение от американского вмешательства. Ядерная проблема Ирана играет провоцирующую роль в развязывании широкого регионального конфликта. При этом ИРИ требует от США гарантий, что Ирак никогда не станет для него угрозой.

¹¹ Kirkuk: Tensions over the withdrawal of the peshmergas. — <http://www.institutkurde.org/en/publications/bulletins/312.html>

¹² Там же.

¹³ Ocalan and Turkish Government Reach a Deal. — <http://www.peyamner.com/details.aspx?1=4&id=239734>

По мнению некоторых зарубежных аналитиков, у США на данном этапе нет убедительного военного сценария, «который бы отбил у Тегерана охоту разрабатывать ядерное оружие или позволил бы сдерживать его в случае фиаско таких мер, как дипломатическая изоляция, экономические санкции и “красные линии”»¹⁴.

Со своей стороны, Иран усиливает политические и экономические связи с Курдистанским регионом с тем, чтобы не допустить провозглашение им независимости, а также распространения опыта иракских курдов для решения курдского вопроса в Иранском Курдистане. Не случайно Тегеран старается всеми силами заблокировать распространение информации о Курдистанском регионе на территории Иранского Курдистана и преследует журналистов, посещавших КАР и писавших о нем в местных СМИ.

Присутствие США в регионе обеспечивает баланс сил и не дает таким акторам, как Турция, Иран и Курдистанский регион, полностью реализовать свои региональные амбиции. Они сдерживают Иран от претензий на господствующие позиции в Западной Азии, и в особенности в зоне Персидского залива. Несмотря на вызовы, которые Тегеран предъявляет американцам в регионе, иранское руководство рассматривает США как опасную и непредсказуемую державу и старается избежать прямой с ней конфронтации. Вывод американских войск из Ирака, однако, вовсе не означает того, что США откажутся от военно-политического влияния в Курдистанском регионе, который при определенных обстоятельствах может стать их операционной базой (а также их стратегического партнера по НАТО — Турции) для продвижения своих интересов не только в регионе Западной Азии, но и в Центральной Азии и на Кавказе.

Наращивание политической и экономической мощи КАР в перспективе может превратить этот регион в противовес Ирану. Однако опасения иракских курдов, что влияние Ирана на лидеров шиитских группировок (например, шейха ал-Садра) и правительство Багдада способно дестабилизировать ситуацию в Курдистанском регионе и Ираке в целом, побуждает курдское руководство к поддержанию нормальных и устойчивых отношений как с США, так и с Турцией и Ираном.

В целом главной стратегической целью и Ирана, и Турции в Иракском Курдистане является сдерживание его стремлений к независимости. ИРИ и Турция солидарны в борьбе против перехода Курдистанского региона из статуса субъекта иракской федерации в независимый статус. При этом каждое из этих государств преследует и реализует здесь свой политический интерес.

В то же время эти политические игроки стремятся изолировать Курдистанский регион от контак-

тов с курдской политической оппозицией Турции и Ирана. Об этом, в частности, свидетельствуют совместные действия турецко-иранских вооруженных сил против РПК и Пиджак, которые наносят ущерб граничащим с Турцией и Ираном территориям. При этом в зоне турецко-иракской и ирано-иракской границ уничтожаются курдские деревни, а их жители уезжают в другие районы. Поэтому зона границ остается очищенной от присутствия курдского населения. Совместные турецко-иранские акции особенно усилились в связи с волнениями в Сирии против правящего баасистского режима Б. Асада, который притеснял курдов, отказывая им в предоставлении гражданства. Поэтому не случайно сирийские курды оказались на стороне оппозиции.

Влияние событий в Сирии на «курдскую» политику Ирана и Турции

Один миллион сирийских курдов проживает преимущественно в нефтедобывающих районах северо-востока страны. Под влиянием событий в Турецком и Иракском Курдистане сирийские курды стали выражать более амбициозные идеи, в частности о предоставлении им автономного статуса. По сообщениям курдских СМИ, в курдских районах Сирии прошли выступления с требованиями демократических реформ. Хотя сторонники Б. Асада уже несколько месяцев жестко отстаивают свое право на власть, они не применяют к курдам радикальных мер подавления их протестных акций, как это было в 2004 г. в Камышлы. Сирийские курды требуют свержения баасистского режима Б. Асада. Однако смена режима существенно обострит курдский вопрос не только в Сирии, но и в этническом Курдистане в целом. Сирийские курды полагают, что свержение Б. Асада и правящей баасистской партии позволит установить новую политическую систему, которая предоставит провинциям большую самостоятельность и «освободит от расизма и экстремистской идеологии» нацию и при которой наступит толерантность. Курды полагают, что сирийская революция не будет завершена, если новая конституция не признает официальным курдский язык, а курдам не предоставит компенсацию за «историческую дискриминацию и преследования».

Очевидно, эти требования возникли не без влияния состояния курдского вопроса в Турции, а также автономии иракских курдов. Кроме того, курдская оппозиция в Сирии поддерживает тесные связи с Турцией. Это «старые знакомые» Анкары. Летом 2011 г. в Стамбуле был создан Совет национального спасения Сирии, в который вошли исламисты, либералы и независимые участники¹⁵. Но влияние этой сепаратистской группы не велико в сравнении с исламистами.

Требования сирийских курдов поддерживает курдская диаспора в Европе. Так, в начале сентября

¹⁴ Крепиневич Э, Монтгомери Э.Б., Эдельман Э. Опасности ядерного Ирана. — <http://www.globalaffairss.ru/number/Opasnosti-eadernogo-Irana-15186>

¹⁵ Известия, 20.07.2011.

2011 г. в здании шведского парламента состоялась двухдневная конференция по курдскому вопросу в Сирии, в работе которой приняли участие 50 человек. Среди них был курдский писатель Массуд Акко, который несколько лет назад эмигрировал из Сирии и теперь живет в Норвегии, курдский общественный деятель Махмуд Сиди, живущий в Швеции, и др.¹⁶ Со времени политической активизации сирийских курдов это была первая попытка создания рабочей группы курдских активистов, заявивших, что от свержения режима Б. Асада курды только выиграют. Конференция в Стокгольме приняла Декларацию, поддержавшую протестные акции сирийских курдов против правящего режима. В ней выражается также пожелание объединить ряды курдской оппозиции в Сирии подчеркивается, что сирийский народ как часть населения Сирии является «основным компонентом восстания против режима, и он полностью заинтересован в его падении»¹⁷.

Очевидно, что беспорядки негативно отражаются на состоянии сирийской экономики: сокращаются инвестиционные программы и туризм, растет безработица. В этих условиях сирийские власти несколько смягчили свою политику в отношении курдских неграждан, предоставив им некоторые имущественные права.

Любые изменения структуры власти в Сирии будут иметь глобальные региональные последствия. Являясь алевитом, Б. Асад связан с влиятельными суннитскими представителями крупного бизнеса и преданным ему ядром в армии и силах безопасности. Однако события в Сирии неоднозначно трактуются в Турции и Иране, где курдский вопрос сохраняет свою остроту. Основная задача этих государств — не допустить подъема курдского национализма в Турецком и Иранском Курдистане, оплотом которого является Иракский Курдистан. Ведь этнический Курдистан является ареалом имперских вождельств и Турции, и Ирана.

Как член НАТО Турция не препятствует продолжению в Сирии принятого апробированного в Ливии политического курса Североатлантического альянса. Она поддержала решение Вашингтона распространить экономические санкции на режим Б. Асада. Вместе с тем Турция поставлена перед фактом наплыва тысяч беженцев из Сирии, которых размещают в специальных лагерях. В этих обстоятельствах глава иракского Движения правосудия и реформ (Justice and Reform Movement) обратился в турецкое консульство в Ниневе, чтобы получить одобрение на оказание гуманитарной помощи сирийским беженцам¹⁸.

Евросредиземноморский центр по правам человека (The Euro-Mediterranean Human Rights Network) выразил поддержку участникам мирных демонстраций в Сирии и признал законность их требований. Он также потребовал от сирийских властей немедленно прекратить насильственные действия против демонстрантов, вывести войска из городов, освободить всех заключенных, совести и гарантировать гражданам право на мирные демонстрации¹⁹.

Иран выступил с протестом против каких-либо попыток НАТО вторгнуться в Сирию и повторить ливийский сценарий. Али Акбар Салехи, министр иностранных дел Ирана, в интервью агентству ИРНА заявил, что «если господь позволит и такие события произойдут, то НАТО будет затянута в такое болото, из которого ему не выбраться...». И далее: «...если Запад хочет следовать тем же курсом, каким он идет в Ираке и Афганистане, то он не добьется желаемого результата»²⁰.

В то время как соседние страны критикуют действия Б. Асада, Тегеран, напротив, защищает его, хотя Салехи и сказал, что правительство должно нести ответственность за законные требования своего народа, будь то в Сирии, Йемене или других странах.

Со времени начала протестных акций в Сирии в марте 2011 г. по данным ООН, было убито 2200 человек. В целом события в этой стране вносят определенную озабоченность правящих кругов Турции, Ирака и Ирана, придерживающихся неоднозначных позиций. Определенные опасения вызывает у них радикализация курдской оппозиции в Сирии, выступившей с требованием национальной автономии.

Иракский Курдистан как перекресток экономических интересов

Руководство Курдистанского региона Ирака заинтересовано в полном контроле богатых нефтегазовых месторождений этого ареала, так же как и так называемых спорных территорий, которые курды стремятся присоединить к своей автономии в соответствии с намечающейся реализацией ст. 140 конституции Ирака. Нефтяные ресурсы этого региона оцениваются в 40 млн. баррелей и 200 млн. куб. м природного газа²¹. Однако позиция курдов вызывает негативное отношение центральных властей Ирака, заинтересованных в контроле над всеми энергоресурсами страны. Нередко эти разногласия приводят к обострению противоречий между Эрбилем и Багдадом. Так, например, неожиданно в сентябре 2011 г. резко сократился экспорт нефти из Курдистана (со 160 тыс. до 50 тыс. баррелей в день). Пред-

¹⁶ Syria's Kurds see better lot if Assad goes, say grievances have to be addressed — <http://www.pegamner.com/details.aspx?I=4&id=247154>

¹⁷ Там же.

¹⁸ Request for humanitarian assistance to Syrian immigrants — <http://www.pegamner.com/details.aspx?I=4&id=245026>

¹⁹ Syria — The authorities should stop waging war against their people. — <http://www.kurdishaspect.com/doc071411EH.html>

²⁰ Iran warns NATO against any temptation to intervene in Syria. — <http://www.pegamner.com/details.aspx?I=4&id=246249>

²¹ Kurdish energy and EU: time for a (different) bear hug. — <http://www.kurdishaspect.com/doc091411SZ.html>

ставитель премьер-министра Ирака М. ал-Малики сказал, что это является реакцией курдского руководства на одобрение центральным правительством нового нефтегазового закона без консультаций с курдскими властями. Министр нефтересурсов Ирака Абдул-Карим Луаиби заявил на встрече с представителями нефтяных компаний в Аммане (Иордания), что хотя курдский экспорт нефти и сократился, курды не дали пока своих объяснений. Он подчеркнул, что это наносит большой ущерб иракской экономике и благосостоянию народа.

Региональное правительство Курдистана в тот же день выступило с резкой критикой заявления Абдул-Карима Луаиби. Представитель министерства природных ресурсов сказал, что политического решения о сокращении экспорта нефти из Курдистана по иракско-турецкому нефтепроводу, перекачивающему до 100 тыс. баррелей в день, принято не было. Он объяснил сокращение экспорта техническими трудностями управления нефтепровода и системы, качающей нефть из скважины. Однако проанализировав проблему, иракские официальные лица пришли к заключению, что сокращение нефтяного экспорта из Курдистана имеет не техническую, а политическую подоплеку. Противоречия усугубляет и тот факт, что правительство ал-Малики настаивает на своем варианте закона о нефти (который был принят к рассмотрению еще в 2007 г.), ограничивающем руководство Курдистана в заключении контрактов с иностранными партнерами минуя центральное министерство нефтегазовых ресурсов. Региональное правительство Курдистана неоднократно выражало недовольство, что такой важный законопроект принимается без участия курдской стороны.

Следует отметить, что Региональное правительство Курдистана и ранее ограничивало экспорт нефти, например в 2009 г. Причины этого были те же, что и теперь. Хотя экспорт нефти из Курдистана возобновился, его ограничение дает понять Багдаду, что нефтяной экспорт с северных нефтерождений находится под контролем Регионального правительства Курдистана и оно может ограничить его в любое время²².

В связи с этим президент Курдистанского региона Масуд Барзани собрал специальное совещание, основной темой которого стали разногласия между Эрбилем и Багдадом. Было принято решение впредь не допускать подобных противоречий с центральным правительством. В то же время было отмечено, что Региональное правительство Курдистана будет придерживаться временного соглашения с федеральными властями относительно экспорта нефти из Курдистана пока постоянное соглашение, основанное на конституции, не будет достигнуто. А. К. Луаиби договорился с премьер-министром Курдистанского региона Б. Салехом и А. Хаврами, ми-

нистром природных ресурсов региона, о возобновлении экспорта нефти из Курдистана²³.

Подобные разногласия находятся в числе других важных проблем, требующих своего разрешения: распределение доходов, спорные территории и др. Однако, несмотря на оппозицию со стороны Багдада и сдержанность США в сфере инвестирования в нефтегазовый сектор Курдистана, Эрбилю удалось привлечь около 40 иностранных компаний на добычу нефти и газа и заключить с ними контракты вместо контрактов, предлагаемых Багдадом. Некоторые американские компании не смогли преодолеть искушение и жажду быстрой наживы, заключив прямые контракты с курдами, особенно не задумываясь над их законностью. Но Багдад занес в черный список некоторые компании, заключившие PSC²⁴.

Курдистанский регион, не имеющий выходы к морю, испытывает трудности с транспортировкой нефти и газа. Эти ресурсы направляются по трубопроводу в средиземноморский порт Джейхан в Турции. Перспективы для транспортировки природного газа могут открыться после ввода в эксплуатацию южного газопровода «Набукко», что в определенной степени, возможно, может повлиять на монополию поставок российского газа в Турцию.

Стремление курдского руководства к экономическому процветанию региона сдерживает не только его разногласия с центральным правительством, но и соперничество между Турцией и Ираном. По мнению некоторых зарубежных аналитиков, Турция, например, пытается вывести свою экономику на 10-е место в мире и считает себя лидером в мусульманском мире. В условиях складывающейся ситуации на мировом рынке Турция в значительной степени делает ставку на импорт углеводородов для испытывающей «бум» турецкой экономики. Но ее зависимость от импорта и недавний скачок цен способствовали повышению дефицита до рекордного уровня, усилив инфляцию и безработицу. Потребности Турции удовлетворяют Россия и Иран, но Курдистанский регион также имеет хорошие перспективы в силу больших запасов нефти и газа. Курдистанский регион и Ирак могут полностью удовлетворить потребности Турции в нефти и газе. Однако существующие противоречия и борьба между турецким руководством и курдской оппозицией, базирующейся на турецко-иракской границе, существенно блокирует развитие экономических отношений Турции с Курдистанским регионом Ирака.

Хотя до недавнего времени Турция и отказывалась признавать легитимность политического статуса Курдистанского региона Ирака, напряженные отношения не препятствовали созданию и укреплению тесных экономических отношений. Турция была самым крупным инвестором, и потенциальная эко-

²³ Kurdish oil exports expected to restart soon.-<http://www.kurdmedia.com/article.aspx?id=16801>

²⁴ Kurdish energy and the EU...

²² Там же.

номическая и стратегическая выгода от этих отношений для нее огромна, хотя эти отношения хрупки и не равноправны. Тем не менее, их результатом стало то, что турецкое руководство осознало необходимость решения курдского вопроса в самой Турции.

Другой крупный политический игрок в регионе, Иран, так же как и Турция, стремится к статусу региональной державы. Соперничая с Турцией за региональное влияние, ИРИ проводит свою политику более агрессивно, что не приумножает ей сторонников. Прошпийское правительство в Багдаде весьма позитивно относится к политике Тегерана. Об усилении связей между бывшими врагами свидетельствует подписание в июле 2011 г. Меморандума о намерениях между Ираном, Ираком и Сирией о строительстве газопровода, который будет транспортировать иранский природный газ через Ирак в Сирию. Эти действия ИРИ свидетельствуют об игнорировании Тегераном экономических санкций и способствуют усилению его экономического влияния в регионе Западной Азии.

О своей заинтересованности в поставках иракского газа и нефти высказывались и представители некоторых стран Евросоюза. При этом Курдистанский регион не может оставаться в стороне, хотя ЕС предпочитает строить свои отношения с ним через Багдад. Некоторые курдские аналитики высказывают мнение о том, что, несмотря на монополию российского газа на европейском рынке, богатый ресурсами Курдистанский регион в перспективе преодолеет изоляцию и еще скажет свое слово в решении энергетических проблем Европы²⁵.

В целом можно заключить, что распространение западных ценностей в общества Турции и Ирана в начале XX в. способствовало взаимообогащению культур Запада и Востока. Вместе с тем специфика восточного общества и его менталитет не позволили решить, в частности, курдский вопрос по западной модели, и он остается в числе неурегулированных проблем стран Западной Азии.

В начале XXI в. просматривается тенденция обращения Турции к неоосманизму, предусматривающему как будто бы создание новой империи, которая, возможно, включит и весь этнический Курдистан. С одной стороны, она не случайно стремится политически и экономически утвердиться в Курдистанском регионе Ирака, а с другой — изолировать его от взаимных контактов с курдскими ареалами Ирана и Турции. Ее стремление вступить в ЕС, озабоченный проблемой энергетической безопасности, заставляет турецкое руководство инициировать экономические реформы в Турецком Курдистане, чтобы смягчить курдский вопрос. Кроме того, Турция препятствует усилению влияния Ирана в регионе, желающего не только сохранить фундаменталистский режим в собственной стране, но и путем опоры на шиитские общины утвердить свои политические

и экономические позиции в регионе, не сбрасывая со счетов и курдский фактор.

В условиях развивающегося регионального турецко-иранского соперничества курды этнического Курдистана выступают за создание собственного государства, не подвластного ни Ирану, ни Турции, ни какой-либо другой державе, апеллируя к поддержке Соединенных Штатов. Этот регион таит в себе огромную потенцию обострения ситуации по ряду причин. В их числе и нерешенность спорных территорий, и активность левоэкстремистских организаций, и политическая напряженность во всех странах проживания курдов Западной Азии и др. Эти противоречия и таит в себе опасность войны. Эту региональную напряженность могло бы снять решение курдского вопроса. Так, некоторые курдские аналитики считают, что на данном этапе эффективным решением курдского вопроса является децентрализация и передача власти курдам в курдских ареалах. По их мнению, это усилит роль народа в управлении, будет способствовать преодолению бедности и предотвращению опасности возникновения гражданской войны и дезинтеграции. Они ставят принцип децентрализации на уровень основного демократического принципа. В качестве примера они приводят постсаддамовский Ирак, когда новая система управления позволила создать плюралистическую легитимную систему, гарантирующую права меньшинств и участие всех иракцев в центральных органах власти. Федерализм в Ираке, по их мнению, не только не способствовал распаду страны, а, напротив, сплотил этнические и религиозные меньшинства. Они полагают, что такие страны, как Турция, в которой курдский вопрос ожидает своего разрешения, должны извлечь уроки из эксперимента в Северном Ираке, а установление автономии в Турецком Курдистане способствовало бы стабильности государства и сплочению его народа. Сирия избежала бы сецессии и опасности дезинтеграции, если бы использовала демократические средства для размежевания и передачи власти. Разработка и реализация плана быстрой децентрализации, по их мнению, для многомиллионного маргинализованного курдского населения этнического Курдистана стали бы гарантом территориальной целостности и суверенитета Турции, одного из ключевых членов НАТО. Децентрализация, продолжают курдские аналитики, может служить инструментом демократизации, примирения и социальной интеграции, а также приведет к смягчению отношений между курдским меньшинством и большинством титульной нации путем разумного распределения функций управления²⁶.

На данном этапе исторического развития страны проживания курдов пока не готовы к реализации подобной модели. Поэтому этнический Курдистан остается перекрестком геополитических и экономических интересов региональных и мировых держав.

²⁵ Там же.

²⁶ Decentralization is the only solution to Kurdish-Nurkish? Kurdish-Persian and Kurdish-Arab dissensions/ — <http://www/kurdishaspect.com/doc091311DM.html>